

Павел Каликин

Сказки
маленького сквера

В центре нашего города есть маленький сквер. Если вы не бывали в нем, обязательно загляните. Побродите по дорожкам, посидите на лавочке под раскидистым кленом, осмотритесь вокруг внимательно и тогда, я даю вам слово, вы увидите, а может быть, и услышите много интересных и занимательных историй. Например, о том, как пробилась на свет первая весенняя травка.

Как проросла Травка

Это случилось недавно, на прошлой небеле. В полдень солнце прогрело землю и подсушило прошлогоднюю листву. Проказник Ветер тут как тут: подхватил сухие листья и закружил их над землей.

— Будем играть в пятнашки, — объявил он. — Кто первым упадет на землю, тому и водить.

Ветер неожиданно стих, и листья стали медленно падать. Так уж получилось, что первым коснулся земли Кленовый Лист.

— Догоняй! — задорно крикнул Ветер и полетел, увлекая за собой листву.

Давным-давно, еще осенью, Кленовый Лист был самым проворным. Он лучше всех умел кружиться в воздухе, ловко уворачивался, когда его пытались «запятнать», а если случалось водить, без труда догонял другие листья.

Так было осенью. А сегодня Кленовому Листу не везло. Он старался, но так и не смог никого запятнать. Видно, отсырел за зиму, а просушиться хорошенько не успел.

— Ладно уж, отдохни. Пусть водит кто-нибудь другой, — сжалился над ним Ветер.

И Кленовый Лист упал на землю. Он лежал неподвижно весь день, а под вечер, когда солнце уже зашло и над сквером сгустились сумерки, вдруг шевельнулся.

Всем известно, что сам по себе Кленовый Лист шевельнуться не мог. Значит кто-то потревожил его. Кто же это? Проказник Ветер был далеко, а кроме него с прошлогодней листвой никто не знает... И тут в вечерней тишине прозвучал чей-то тоненький голос:

— Когда же, наконец, я увижу свет?

— Завтра утром, не раньше, — ответил Кленовый Лист. — Но если вам не терпится, можете посмотреть на фонари. Они сейчас зажгутся.

— Фонари — это что? Тоже солнце?

— Я же сказал, что солнце взойдет только утром, — проворчал Лист. — И вообще. Кто вы? Откуда вы взялись?

— Я Травка. Откуда взялась? Просто проросла из земли и все. А вы кто такой? Все ворчите и ворчите.

— Я Кленовый Лист. Хочу — и ворчу. Вам-то какое дело?

— Вот и неправда. Вот и неправда, — залепетала Травка. — Листья растут только на деревьях, а на земле только трава растет.

— Много ты знаешь. Я прошлогодний лист. Если не веришь, спроси у любого. Впрочем, и спрашивать нечего. Спи. Я устал.

— Подумаешь! — обиделась Травка и замолчала.

Кленовый Лист тоже не проронил ни слова. Он притворился спящим, а на самом деле чутко прислушивался к дыханию первой весенней травки. Прислушивался и вспоминал, как сам когда-то выбирался из тесной почки и не мог надышаться свежим прохладным воздухом. А потом на небе вошло солнце и согрело его. А потом...

Кленовому Листу было о чем вспомнить, но... он почувствовал вдруг, что Травка дрожит.

— Что с тобой? Ты кого-то испугалась?

— Н-нет, м-м-не оч-чень х-х-ол-лод-но.

Ну, конечно. Как же он сразу не догадался! Ведь она, такая нежная, еще не привыкла к ночной прохладе.

— Сейчас тебе станет теплее, — сказал Кленовый Лист и плотно прижался к земле. — Согреть я тебя не согрею, но и замерзнуть не дам.

— Спасибо, — отозвалась Травка. — Мне уже тепло.

Наверное, она сказала так из вежливости. А может быть, ей и впрямь стало тепло, ведь каждому известно, что забота и внимание тоже согревают.

Так или иначе, Травка перестала дрожать и вскоре уснула. А Кленовый Лист? Он не успел заснуть, потому что завездное небо над городом вдруг заволокли тучи и крупные капли дождя забарабанили по крышам домов, по карнизам, по асфальту и по земле.

— Эй, приятель! — окликнул его Проказник Ветер. — Кажется будет дождь. Ты не боишься?

— Нам не привакать, — божро ответил Лист.

— Это так, — согласился Ветер, — но если ты промокнешь, мы не сможем играть в пятнашки.

— Что поделаешь: промокну так промокну.

— А может, полетишь со мной в беседку? Там не будет дождя.

— Нет-нет. Мне и здесь хорошо. Это даже полезно, полежать под дождем.

Проказник Ветер спорить не стал.

— Как знаешь, — крикнул он и улетел.

А дождь и впрямь превратился в ливень. Крупные, увесистые капли падали с такой силой, что Кленовый Лист невольно вздрагивал при каждом ударе.

— Нам и здесь хорошо. Нам и здесь х-хор-рошо, — повторял он упрямо. — Мы дож-ды не б-боим-ся. П-п-пусть льет, ск-колько ему в-в-здум-мается.

И дождик лил, лил, лил...ю до самого утра. А когда над городом забрезжил рассвет, он вдруг прекратился. Проказник Ветер выпорхнул из беседки, в которой отсиживался всю ночь, и быстро разогнал тучи, чтобы все, кто живет в маленьком сквере, могли видеть, как над крышами домов медленно поднимается солнце.

Кленовый Лист обрадовался ему, как старому другу.

— Ну, наконец-то. Теперь я могу подсчущиться.

— С кем это вы разговариваете? — спросила Травка.

Оказывается она уже проснулась.

— Сам с собой, — ответил Кленовый Лист и добавил: — Я радуюсь солнцу.

— Оно уже взошло? — обрадовалась Травка. — Как хорошо. Я хочу скорее увидеть его.

— Не спеши, — попытался отговорить ее Лист. — Всю ночь лил дождь, а солнце еще только-только взошло. Воздух еще не успел прогреться. Он еще слишком холодный — ты можешь простудиться.

Но Травка и слушать его не хотела.

— Я не какая-нибудь неженка, — ответила она, — о холодного воздуха не боюсь. А на солнышке я буду быстро расти и зеленеть. Помогите мне.

— Нет-нет, — заупрямился Кленовый Лист. — Я же сказал: еще холодно. И потом, чем же я могу тебе помочь? Без Проказника Ветра мне и с места не сдвинуться.

— Так позовите его.

Напрасно Кленовый Лист пытался объяснить Травке, что Ветер не услышит его, а если и услышит, то помочь ничем не сможет.

— Я промок под дождем. Пока не просохну, мне от земли не оторваться.

— Какой же вы упрямый! — обиделась Травка. — Придется мне самой пробиваться к солнцу.

Вы видели, как стальная игла проходит сквозь тонкую ткань? Вот так и Травка легко прошла сквозь Кленовый Лист. И ее сразу все заметили.

— Смотрите! Смотрите! — доносилось со всех сторон. — Первая Травка выбралась на свет. Весна пришла в наш город. Весна! Весна!

Вскоре маленький сквер наполнился пением птиц, а Проказник Ветер пустился в пляс, закружился, завертелся и полетел вдоль улиц и проспектов разносить по городу добрую весть.

Он вернулся только под вечер и очень удивился, когда увидел рядом с Первой Травкой целый кустик молодых зеленых побегов.

— А где же Кленовый Лист?

— Я здесь, — едва расслышал он слабеющий шепот, — на прежнем месте.

Тут Ветер удивился снова, потому что от Листа почти ничего не осталось. Он стал тонким и прозрачным, как паутина.

— Говорил же я тебе: спрячемся в беседке, а ты не захотел... С кем же мне теперь играть в пятнашки?

— Нашел о чем печалиться, — отозвался Кленовый Лист. — Теперь у тебя и без пятнашек забот хватит. Смотри, береги нашу Травку.

Как Снежинка Росинкой стала

День был таким солнечным и вдруг.. налетел с севера студёный ветер. Он пригнал с собой хмурые тучи и закрыл ими ласковое солнце. Закружился Ветер над маленьким сквером, засвистел и застонали деревья, роняя на землю обломки ветвей.

— Как не вовремя, — промолвила Травка, пригибаясь до земли.

— Что вы сказали? — вдруг прозвучало совсем рядом.

— Я сказала, что этот ветер прилетел так некстати. Мои подружки только начали прорасти, а теперь... Они испугаются холода. Без них мне так скучно, даже поговорить не с кем.

— А вы поговорите со мной.

— С кем? Я вас не знаю и даже не вижу.

— Неужели не видите? Я снежинка. Летела, кружилась и опутилась прямо на вас.

— Странно. Я ничего не почувствовала.

— Это вовсе не странно, — охотно пояснила гостья. — Мы, снежинки, такие легкие...

— Мы? — удивилась Травка. — Разве вас много?

— Очень, Очень много.

— А что вы здесь делаете?

— Мы путешествуем. Нас позвал с собой Студёный Ветер. Он сказал, что весна здесь наступит не скоро и мы еще успеем порезвиться в ваших краях.

— И вы поверили ему? И никто не сказал вам, что весна у нас уже наступила?

— Уже наступила? — удивилась Снежинка.

— Ну, конечно. Если я проросла, значит весна уже наступила, — рассудила Травка. — Этот ветер, он вас обманул.

— Нет. Он не похож на обманщика.

— Значит он хотел прогнать весну, но у него ничего не вышло. Вот почему он так быстро умчался. А хмурая туча, смотри-ка, почти растаяла. Скоро солнышко выглянет. Оно такое яркое, такое теплое — весеннее.

— Весеннее солнце? — всполошилась Снежинка.

— Почему ты испугалась? Неужели не рада весне?

— Чему же мне радоваться? Разве ты не знаешь, что мы, снежинки, боимся тепла. Мы на солнце таем.

Задумалась Травка. Ей стало жалко Снежинку — такую добрую, разговорчивую.

— Послушай, — сказала она. — Неужели растаять — это так страшно? Ты когда-нибудь таяла?

— Нет. Но Студёный ветер говорил, что растаять — это значит стать каплей воды, а капли уже не могут порхать и кружиться. А еще он говорил, что быть каплей очень скучно и неинтересно.

— Он обманщик, ваш Студеный Ветер. Я знакома с дождинками и росинками. С виду они очень похожи на капли воды, но ни чуть не жадеют об этом. И весеннего солнышка совсем не боятся. Наоборот. Они так радуются ему, так ярко сверкают в его лучах...

— И никогда не путешествуют?

— И никогда не путешествуют?

— Еще как путешествуют. По всему свету. Мне одна дождинка вчера рассказывала, что недавно она побывала в африке. Там так интересно!.. Правда она не успела все хорошенько рассмотреть, потому что Солнце снова позвало ее в дорогу. Оно сказало: «Надо умыть Первую Травку в маленьком сквере». Видишь, какое оно доброе!

— Спасибо тебе, Травка, — вдруг сказала Снежинка.

— За что?

— За то, что ты тоже добрая. Ты поговорила со мной, и я уже не плачу, и солнышка не боюсь. Я даже не прочь стать дождинкой или росинкой. Как ты думаешь, в кого бы мне превратиться?

— Не знаю, — ответила Травка и задумалась. — Наверное превращайся лучше в Роснику: она такая красивая, серебристая.

— А дождинка?

— Дождинка тоже красивая.

Промолчала разговорчивая Снежинка, видно тоже задумалась. Потому, наверное, они и не заметили, как из-за тучи выглянуло солнце. Выглянуло робко, озабоченно, словно хотело проверить, не гуляет ли над городом Студеный Ветер., не натворили ли он какой-нибудь беды? Но Студеного Ветра и след простыл, а беды натворить ему не удалось. Солнышко улыбнулось.

— Я таю? Таю, — удивленно прошептала Снежинка. — И мне совсем не страшно. Только интересно, кем же я стану? Дождинкой?

— Росинкой, — подсказала Травка. — Ты стала Росинкой. Смотри, как серебришься на солнышке. Ты, должно быть, очень счастлива.

Однако Росинка, которая только что была Снежинкой, ничего не ответила.

— Что же ты молчишь? Тебе плохо?

— Нет. Мне очень хорошо. Я слышу, как солнышко зовет меня. Я улетаю путешествовать.

— Куда же?

— Не знаю. Наверное туда, где я нужна.

— А как же я? Мне будет скучно без тебя.

— Не грусти. Я скоро вернусь.

— Постой. Еще два слова...

Но Росинка уже не слышала ее. Она была уже в пути.

Как спасли Тополек

Наш маленький сквер просыпается с первым трамваем. Каждое утро он стремительно пронесится по рельсам.
— Дзинь-дзинь! — позванивает трамвай, словно говорит: — Вставай-вставай!

И все, кто живет в нашем сквере, просыпаются: деревья дружно шелестят листвой, травинки умываются росой, а птицы спросонок пробуют свои голоса... Только Воробьишка просыпаться не желает. Спрятался в густом кустарнике, что растет вдоль чугунной ограды, и дремлет, словно за ночь не выспался.

Эт-т-то что еще за чудище ползет вдоль улицы? Гудит, жужжит, глазищами сверкает. Длинные-предлинные то ли стрелки, то ли усы всю улицу перегородили. Кто это: жук, часы? Если жук, то почему такой большой, а если часы, то почему без циферблата?

Ба! Да это машина поливальная. Она умывает улицы и, конечно же случайно, веселыми брызгами осыпает кусты за оградой.

Смотрите! Смотрите! Воробей проснулся. Едва угдил под холодный душ, сразу встрепенулся, крыльями захлопал, перья взъерошил, нахохлился. Видать обиделся Желторотик. Сам виноват: не время спать, пора приниматься за работу.

Скворец, тот давно уже трудится: спорхнет на землю, подхватит травинку и несет ее в гнездо, подстилку меняет. У Проказника Ветра не меньше хлопот: траву расчесать, пригладить песок на детской площадке, мусор смести. Того и гляди собьешься с ног. Хорошо еще, что есть в нашем сквере дворник. Он приходит в сквер каждое утро, едва над городом заалеют облака.

Уже заалели? Ну, так вот и он — идет по аллее, несет на плече метлу, длинную-предлинную. Идет и насвистывает песенку, даже под ноги не смотрит. Вот такой у нас Дворник: веселый и чуточку рассеянный. Впрочем, наверное, не чуточку, а очень даже рассеянный: шел-шел и вдруг растянулся на ровном месте.

— Эк меня угораздило, — сказал Дворник, потирая ушибленное колено. — И откуда только взялась эта кочка? Кто асфальт испортил?

Он поднялся, огляделся и нашел виновника. Им оказался крошечный тополиный росток.

— Эк тебя угораздило! Неужели другого места не нашел? Тут тебе и пыльно, и тесно, и люди ходят. Непорядок.

Дворник покачал головой, поднял метлу и принялся за работу. Взмахнет раз-другой, оглянется и брови нахмурит. Проказник Ветер тоже работал очень старательно. Если метла (с ней такое случалось) пропускала клочок бумаги или прошлогодний лист, он подхватывал сор и летел вдогонку за метлой. Дело спорилось. Вскоре все дорожки маленького сквера были выметены.

— Что же мне делать с тобой? — склонился Дворник над тополиным ростком. — И дня не проживешь — растопчут тебя. А если и вырастешь, будешь людям мешать. Делать нечего, придется тебя убрать отсюда.

Только он так сказал, Проказник Ветер так толкнул его в спину, что Дворник едва удержался на ногах.

— Ну-ка, не балуй, говорю! Не балуй! — прикрикнул он.

А Ветер тем временем закружил прошлогоднюю листву, рассыпая ее по дорожкам. Огляделся Дворник по сторонам и руками всплеснул: словно и не было уборки. Впору все начинать сначала. А он-то так спешил, так старался...

Взялся Дворник за метлу, приблизился к бугорку — Ветер взметнулся смерчем, сорвал с Дворника кепку и забросил ее далеко в сторону.

— Вот ведь что делает, проказник, — усмехнулся Дворник. — Успокойся. Не трону я твой тополек. Пусть растет.. Если выживет.

Но Проказника этот ответ не устроил. Подхватил он кепчонку и колесом покатыл по дорожке через весь сквер, прямо к фонарному столбу.

— Ну и дела, — задумался Дворник. Видно ты от меня не отступишься. Придется уважить.

Снял он со столба какую-то дощечку, ушел куда-то, но вскоре вернулся с небольшой такой пирамидкой из железный прутьев. Установил он ее прямо над ростком, прочитал:

— Стой. Опасно для жизни. — усмехнулся: — Самое то, что надо. Ведь и вправду опасно.

Очень-очень собою довольный, пристукнул он черенком метлы по асфальту, ногою притопнул так, словно прямо сейчас в пляс пустится, да так вприсядку домой и пойдет. Может быть и пустился бы — наш Дворник, он такой, — но обернулся назад и присвистнул:

— Эге. Дорожки-то не метены...

Тут как тут Проказник Ветер по скверу помчался. Закружились, замелькали в воздухе пожухлые листья, былинки, соринки и... исчезли. Даже пыли на дорожках не осталось.

Вскоре в маленьком сквере появился первый прохожий. Остановился он перед странной дощечкой, прочитал грозную надпись и пожал плечами:

— Безобразие. Куда только родители смотрят, — проворчал сердитый прохожий, но тополиный росток обошел стороной.

Как Козочку расколдовали

Она появилась в нашем маленьком сквере нежданно-негаданно — маленькая стройная Козочка. Замерла на газоне, голову к земле наклонив — то ли принюхивается к чему-то, то литравку щиплет. Подлетел к ней Воробьишка, сел поодаль.

— Доброе утро! — прочирикал. — Здравствуйте.

— Здра-астре! — послышалось в ответ.

Удивился Воробьишка. Станным ему показалось, что Козочка такая маленькая, ножки тоненькие, словно точеные, а голос такой грубый, хриплый.

— Вы к нам надолго или только позавтракать?

Ничего не ответила Козочка, но Воробьишку это не смутило.

— Могу угостить вас мошкой. Вы, конечно, любите мошек?

— Стра-асть как люблю! Стра-асть!

Ну конечно же, это не Козочка прокричала, а Ворона прокаркала, — только сейчас и заметил ее Желторотик: сидит на дереве, крыльями машет.

— Ну что, Воробьишка-глупышка? Где твоя мошка? Давай ее сюда.

— Не дам, — обиделся Воробьишка. — Если бы Козочка попросила... А тебе ни за что не дам!

— Глуп-пый ты, глуп-пый, — каркнула Ворона насмешливо. — Разве козочки мошкаррой питаются? Козочки траву щиплют да листья поедают.

— Ну и что. Улетай отсюда. Не мешай мне с Козочкой разговаривать, — храбро ответил Воробьишка и перья взъерошил воинственно.

— Иш-шь ты! — удивилась Ворона. — И давно ты с ней разговариваешь? Может, успел узнать, почему она не живая, а железная?

— Как это так, не живая? Почему это вдруг железная? — зачирикал Желторотик, головой по сторонам завертел.

— Как это, как это, — передразнила его Ворона. Слетела она с ветки, села Козочке на спину и клювом: — Тук-тук-тук... Теперь убедился? Железная.

— Как же она здесь оказалась?

— Вот заладил: как да как. Оказалась и все тут. Может, дворник ее принес, а может, мальчишки поставили — для приманки, таких как ты, желторотых, ловить.

Испугался Воробьишка. А ну как и вправду это мальчишек проделки? С них станется. Отлетел он от козочки подальше, на ветке пристроился и наблюдает. Часу не прошло, появились в сквере мальчишки: стремглав бежали они по дорожке, поровнялись с Козочкой и вдруг остановились. Стали разглядывать ее сначала издали, затем поближе подошли, руками ощупали.

— Гип-гоп! — крикнул вдруг один мальчуган и оседлал Козочку, как лихой наездник горячего скакуна. — Вперед, кавалерия!

Закричали, загалдели мальчишки, принялись спихивать друг друга, — каждому хочется на Козочке покататься.

— Бедняжка, чирикнул жалостливо Воробьишка. — Тяжело тебе, наверное, хоть ты и неживая.

Вздыхнул Желторотик и с ветки спорхнул, — пора ему за работу приниматься. День деньской метался он по скверу: там мошку поймает, тут жучка прихватит и скорее в беседку, где под крышей, в гнезде воробьята галдят, — ждут недождутся, когда же мама Воробьяха их летать научит.

Взад-вперед сновал Воробьишка по скверу. У самого забот, словно мошек, полон рот. Однако не забыл Желторотик Козочку. Мимо пролетая, глянет, как дети вокруг не веселятся, и чирикнет налету:

— Бедняжка.

Так в делах да в заботах день и прошел. Едва сумерки наступили, уснул Воробьишка, а утром чуть свет снова выпорхнул из гнезда.

Погнался он за бабочкой, а та летела-летела и села прямо на Козочку. Хоть и боязно Воробьишке, отважился он, прыг.. и бабочка в клюве. Приосанился Желторотик, огляделся вокруг..

— Нич-чив-во себе, — так удивился, что даже бабочку выронил. — Вот дела.

— Ты чего это, Желторотый, клювоткрыл, амухнеловишь? — любопытствовала Ворона.

Вот ведь проныра: везде поспеет, всюду свой нос сунет.

— Какие тут мошки. Неужели не видишь? Трава-то исчезла!

И верно. Еще вчера стояла Козочка в густой траве, а сегодня на метр вокруг только голая земля — ни единой былинки не осталось.

— Нашел чему удивляться, — каркнула Ворона безразлично. — Этим мальчишкам дай только волю, — всю зелень изведут.

— Нет, мальчишки тут ни при чем.

— А кто при чем?

— Я же видел: не ели они траву.

— Ох и глуп-пый ты, — каркнула Ворона досадливо и улетела.

— Не глупее тебя, — чирикнул ей вслед Воробьишка. — Тут и птенцу ясног: если Козочка траву выщипала, значит она живая. А если живая, но не двигается и не разговаривает, значит?.. значит заколдованная!

— Как пить дать, заколдованная.

Вздрыгнул Воробьишка от неожиданности, на ближайшее дерево вспорхнул, огляделся — Чапа это, пес лохматый, черный, совсем не злой и даже добрый. Подбежал он к Козочке, обнюхал ее со всех сторон, чихнул.

— Чую, дело тут нечистое. И траву она неспроста выщипала. Я когда приболею, всегда первым делом траву щипаю. От любой напасти — первейшее средство.

— Ну да, первейшее, — усомнился Воробьишка. — Вон сколько травы повыщипала, а так и не расколдовалась.

— Вах! — раздосадовался Чапа. — На то оно и колдовство. Против колдовства не всякая травка поможет. И даже, может, только одна и поможет — самая первая весенняя травка.

— Тю! — присвиснул Воробьишка. — Где ж ее взять. Лето в разгаре, дело к осени.

— То-то и оно.

— Чапа! Чапа! Ко мне! — донесся издали чей-то голос.

— Извини, Желторотик. Мне пора.

Чапа вразвалочку потрусил к хозяину, а Воробьишка и вовсе опечалился. «Бедная Козочка, — думал он. — До весны еще так далеко. И кому это вздумалось заколдовать ее так невовремя». Вздохнул он печально и полетел. Мошек наловил, и в гнездо.

— Где тебя крылья носят? Все воробьи, как воробьи, а этот, — ворчала Воробьишка.

— Мне! Мне! Мне, — на все лады пищали птенцы.

— Когда ж вы летать-то научитесь, — ворчал Желторотик. — У других воробьев птенцы...

— Молчал бы, бездельник, — вступилась за птенцов Воробьишка. — Так и пустила я малышей из гнезда. Успеют еще, налетаются.

Не стал Воробьишка спорить. Забился он в самый угол: не вздремнуть, так хоть перья почистить. И вдруг.. Ну конечно же! Именно в этом углу под крышу запихнул он ту травинку, которая ранней весной самой первой пробилась из земли.

— Чего это ты надумал, непутевый? — всполошилась Воробьишка, заметив, что Желторотик из щели травинку вытягивает. — Ты зачем это гнездо зоришь? Все воробьи, как воробьи, а этот...

— Тише ты! — ответил ей решительно Желторотик. — Тебе эта травинка на подстилку, а Козочку она от колдовства спасет.

— Какую еще Козочку?! — удивилась Воробьишка и грозно расправила крылья. — Вот оно что! Я тут с птенцами маюсь, ни сна, ни отдыха не знаю, а он целыми днями прохлаждается, каких-то козочек расколдовывает. А ну-ка... марш из гнезда! Знать тебя не хочу!

И что бы вы думали? Выгнала Воробьишка. Как ни пытался он объяснить, сколько ни оправдывался — выгнала! Пришлось Желторотику в кустах у ограды ночевать. Неуютно, холодно, а что делать?

Проснулся он рано, мошек наловил и — в гнездо.

— Иди, иди к своей Козочке, — вытолкала его Воробьишка. Вытолкала, но мошек, правда, взяла. Стало быть, не так все и плохо.

Выпорхнул Желторотик из беседки, сел на ветку, огляделся... А Козочки-то и нет! Все деревья на месте, кружок земли без единой травинки — вот он, а Козочки нет.

— Чудо чудное, — прочирикал Воробьишка изумленно.

Ворона, понятное дело, тут как тут была.

— Бат-тюшки светы! — прокричала она и полетела, весь сквер оглашая: — Ук-крали! Ук-крали! Козочку нашу злодей ук-кра-али!

— И вовсе не украли, — вдруг услышал Воробьишка чей-то тоненький голосок.

Вздрыгнула втека: раз, другой и третий — сели рядом с Желторотиком его птенцы.

— Это мы!

— Мы, мы Козочку расколдовали!

— Папа уснул, мама уснула, все уснули, а мы травинку вытянули, из гнезда выпорхнули...

— Вы порхнули и к Козочке.

— Принесли ей травинку и обратно в гнездо. А утром проснулись — нет Козочки.

Рас колдовалась!

— Ну что ты с ними поделаешь! — подлетев, посетовала Воробьяха. — У всех птенцы, как птенцы, а эти...

— Все в меня, — чирикнул Желторотик и полетел охотиться за мошками.

Как деревья повздорили

Вот и оделся в осенний наряд наш маленький сквер. Был он зеленым, тенистым, а стал золотистым. Всем на удивление. Деревья такой перемене не нарадуются: красуются друг перед другом, важничают. Особенно Раскидистый Клен — вот уж кто похвалялся без умолку:

— Вы только гляньте, гляньте на меня! Ну кто еще может похвастаться таким богатым нарядом? Листья резные, расписные. Солнышко глянет на меня — улыбнется. Кто ни пройдет — рядом — остановится взглядом.

— Ты бы, сосед, не очень-то задавался, — попыталась урезонить его Сирень. — Можно подумать, что на другие деревья никто не смотрит.

— На кого тут смотреть? Уж не на тебя ли?

Сирень от обиды только ветвями вспелснула.

— Ну и вредный же ты, — вступился за нее Ясень. — Разве бедняжка в том виновата, что нет у нее золотистого наряда? Зато весной чей наряд всех краше был?

— Был да сплыл.

— И не стыдно тебе? Между прочим, если бы ты Сирень своей тенью не закрывал, кто знает, может быть и осенью солнышко ее всех краше принарядило.

— Если бы да кабы... Вам просто завидно. Мною все любят, а на вас даже не смотрят.

— Ты за нас не беспокойся, — прошелестел листвою Дуб Великан. — Лучше смотри, как бы с тобой, хвастуном, беды не приключилось.

— Это я-то хвастун, — изумился Клен. — И это вместо благодарности за то, что я весь сквер украшаю! Да знаете ли вы, что я... что мне...

— Девочки, девочки! Смотрите какие листья! — вдруг прозвучал внизу тонкий голосок.

На зов девчушки откликнулись подружки. Одна, другая, третья — целой стайкой сбежались они под Кленом.

— Ну, что я вам говорит! — прошелестел Клен торжествующе. — Кто в сквере ни появится, все ко мне спешат, все мною любят, а на вас...

— Да вы не на ясень, а на клен посмотрите, — подсказала девчушка подружкам. — Вот где листья просто замечательные.

— Какие красивые!

— Резные. На звездочки похожие.

Подружки наперебой восхищались и только одна из них молчала, себе под ноги смотрела озабоченно.

— А ты что скажешь, Света? Неужели тебе листья не нравятся?

— Нравятся, — Света нахмурила брови. — Только букета нам не собрать: на землю ни листочка не упало. Может, рано еще?

— Что значит рано? Ты, Светочка, думай, что говоришь. Конкурс объявили, все участвуют, а мы...

— Значит рано объявили. Пусть отменяют.

— Так тебе и отменяют. Проиграем мы, вот и весь сказ.

— И проиграем, если хныкать будем. Надо думать как листья достать.

— Где нам достать? Вон как высоко висят.

Зашумели девчушки, зщаспорили.

— Послушай, Клен, — прошелестел Дуб Великан. — Сбросил бы ты пару листочков. Ну что тебе стоит.

— Вот еще. Одному листочек, другому, третьему — так и свосем без наряда остаться недолго.

— Сбрось, не будь жадиной, — поддержал Ясень.

— Сам бы и сбросил, если тебе не жалко, а у меня каждый листок на вес золота.

— Дети просят, — вмешалась Сирень. — Конкурс у них какой-то. Неужели не слышишь?

— И слышать ничего не желаю.

Вот каким упрямым и жадным оказался Клен.

— Может, мальчишек позвать? — робко предложила Света. — Сходи за ними, Марина.

— Так они меня и послушаются. Только и знают, что в футбол гонять да на велосипедах кататься.

— Не надо нам никаких мальчишек. Я этот клен нашла, я и листья достану, — вдруг заявила девчушка, которая первой появилась в сквере.

Подошла она решительно к лавочке и стала взбираться на спинку.

— Вот молодец, — прошелестела Сирень. — Только бы дотянулась до нижней ветки.

— Дотянется, успокоил ее Ясень. — И не один листик, а целый букет нарвет. Так ему и надо, жадине.

— Как бы не так. Не видать ей моих листьев, — возмутился Клен и так быстро поднял ветку, что девчушка потеряла равновесие, руками взмахнула и...

— Ах, Маринка!

— Упала!

— Ушиблась?

Засуетились девчушки вокруг подружки.

— И не стыдно тебе?

— А с виду такой тихоня.

— Еще и смеется.

Возмущенно шелестели листвой деревья, а Клен на них и внимания не обращал. Так развеселился, что ветви затряслись, листья задрожали, а один листок — смотри-ка! — сорвался с ветки и вниз устремился: падает, падает, падает...

— Караул! Помогите! Спасите! — спохватился Клен.

Наклонил он ветку, чтобы упавший лист поймать, да вместо этого еще два листочка скинул. Закружились они в воздухе — золотистые, резные, расписные.

— Помогите хоть кто-нибудь! — взмолился Клен, но другие деревья молчали в ответ.

— Помогу-у-у! Держись, приятель! — просвистел вдруг кто-то приближаясь.

Это Проказник Ветер разгуливал неподалеку и устремился на помощь. Подхватил он опавшие листья, взметнул их ввысь, чтобы на прежнее место вернуть, да вместо этого новые листья с ветвей сорвал. Веселым пестрым хороводом закружились они над землей.

— Что ты делаешь! Остановись! Пощади! — раскачивая ветвями умолял его Клен.

А Проказник Ветер его и не слышал, так понравилась ему эта забава: разбежится, стряхнет с ветвей целый ворох листьев и носит их над сквером, — то на землю бросит, то снова подхватит.

— Листопад! Листопад!

— Что ж вы стоите, девочки!

— Скорее! Скорее! Лови!

Загладели девчужки, разбежались по дорожкам, гоняются за листьями, а Ветер Проказник их подзадоривает:

— Не зевай! Догоняй! Играем в пятнашки!

Долго длилась эта веселая игра. А когда утомился Проказник Ветер, в руках у девчушек было по большому букету самых красивых листьев.

— Все призы теперь наши!

— В школу, в школу скорее!

Прокричали они и шумной стайкой выбежали из сквера.

— Ты доволен, приятель? — спросил Проказник Ветер у Клена. — Здорово я тебе помог? Без меня стоял бы с этими листьями до самой зимы.

Ничего не ответил ему Клен. Ни одного листочка не осталось на его ветвях. А без листьев какой же разговор? Покачал Клен ветвями: стук да стук, стук да стук, — но никто так и не понял, что он хотел сказать.

Как Воробьишка чуть воришкой не стал

Ночью в маленьком сквере выпал первый снег. Белый, пушистый — давно его ждали в нашем городе. Многие ждали, но не все. Воробьишке, например, и без снега хорошо жилось. Холодно, конечно, бесснежной зимой, зато не голодно. Среди опавших листьев и увядшей травы не трудно корм отыскать, а когда ты сыт, тогда и холод не так страшен. Вот почему Воробьишка без снега ничуть не печалился. Более того, он и не думал о нем вовсе: жил как живется. И вдруг: прошу любить и жаловать — первый снег.

Поначалу Воробьишка даже обрадовался. Все вокруг выглядело так торжественно, так празднично. Не выдержало, екнуло воробьиное сердце, а крылья сами расправились. Выпорхнул он из-под крыши беседки и полетел. Меж ветвями летел, на которых снег, словно кружева, над оградой чугунной, снегом словно ватой обложенной, над дорожками белоснежными, по откормым сегодня еще не ступала нога человека.

Летал он, кружился, наконец устал, отдохнуть решил, а сесть-то и некуда. Всюду снег, куда ни глянь. Это для нас с вами он неглубокий, а для Воробьишки — сугробы неролазные. Растерялся Желторотик: что тут делать? Хорошо, Ворона выход подсказала: выбрала на дереве ветку — не тонкую, не толстую — и слету села на нее. Снег и осыпался. Последовал Воробьишка ее примеру: ничего, получилось. Сидит на ветке, голову с боку на бок перекладывает — любится.

— Кар-кар. Крас-со-та! — крикнула сверху Ворона и крыльями схлопнула, закачалась на ветке.

На Воробьишку комьями снег посыпался. Зажмурился он, сжался в комок, однако чирикнул в ответ:

— Чив-чив, чис-стая правда. Чив-чив, чест-ное сло-во.

Усмехнулась Ворона простуженно:

— Кха. Ты-то, Желторотик, чему радуешься?

— Чив-чив, чему же еще? Красиво кругом.

— Кар--раси-во? К-ха! Ну-ну. Посмотрим, как ты зачирикаешь, когда есть захочешь. К-ха. К-ха.

— Чив-чиво? Есть? — переспросил Воробьишко.

Странное дело. Он сразу почувствовал голод.

— Чив-чим-чем бы поживиться? — завертел Желторотик головой и поежился, так ему стало не по себе. Снег. Куда ни глянь — снег кругом. Семечки, зернышки, хлебные крошки — все под снегом. А голод все сильнее, так и сталкивает с ветки. Зажмурился Воробьишка и вниз спорхнул, прямо в сугроб. Барахтается в снегу, и лапой его отгребает, и ключом отбрасывает.

— Пр-р-приятного ап-петита. Кха. Кха-кха, — не то раскашлялась, не то рассмеялась Ворона и, снявшись с ветки, улетела.

Воробьишка даже не глянул в ее сторону. Так он был занят: снег расчищал, хотел до травы добрался. И добрался бы, но тут... что-то большое, белое над головой

со свистом пролетело и рядом шлепнулось. Взлетел Воробьишка на ветку, завертел головой: в чем тут дело? Вот незадача. Мальчишки в сквер прибежали, в снежки играют, бросают друг в друга снежные комья. Кто сумел увернуться — смеется, кто не сумел — тоже смеется. Весело им, а Воробьишке какво? Он-то меньше любого снежка. А ну как не увернется? Нет уж, лучше повыше забраться. Перелетел он на одну ветку, на другую, на третью... Уф-ф. Кажется укрылся.

А мальчишки нашли себе другое занятие. Слепили они по снежку и ну их катать по снежной целине. С каждым шагом все громче хрустит снег, растут, тяжелеют комья, в большие шары превращаются. Смотрит на них Желторотик и жмурится: а ну как таким снежком запустят? Не увернешься, пожалуй. Впрочем, вряд ли запустят. Вон они вдвоем один ком едва поднимают. Заинтересовался Воробьишка этой возней, головой вертит:

— Чив-чив-чиво затеяли?

— Снеговика лепят. Кха! — прокричала невесть откуда взявшаяся Ворона. Снеговика. Бабу снежную.

И верно. Поставили мальчишки комья друг на друга: вот вам туловище, вот голова. Сбоку два небольших шара прилепили, ветку с растопыренными сучьями укрепили: вот вам и руки. Морковку вместо носа воткнули. Почти готов Снеговик.

— А рот из чего сделаем? — крикнул один мальчуган.

— Рот? Из веток выложим.

Обломил мальчишка два коротких прутика, согнул полукругом и в снежный ком вдавил. Заулыбался Снеговик.

— А глаза из чего?

— Тоже из прутиков можно.

— Ну уж нет, и так одни ветки кругом — разве это Снеговик!

— А у меня семечки есть. Из семечек сделаем.

— Кха! Кха! — раскашлялась Ворона. — Глаза из семечек — страсть!

— Чив-чив? — несмело чирикнул Воробьишка.

Склонил он голову влево. Склонил он голову вправо. Интересные глаза получились у Снеговика — аппетитные.

— Стас, а шляпу где возьмем?

— Шляпу?

— Ведерко детское годится?.. Только дома оно.

— Ну так побежали.

— Побежали, побежали. Кха, кха! Кр-расть, кр-расть будут! — прокричала Ворона и полетела следом за мальчишками.

А Воробьишка — с ветки на ветку — поближе к Снеговика перебрался. Смотрят они друг на друга, молчат. Взгляд у Снеговика открытый, веселый, улыбается он Воробьишке. А Желторотику не до улыбок. Голод его одолевает. Смотрит он на семечки и взгляда оторвать не может. Наконец, не выдержал, воровато осмотрелся по сторонам и спорхнул с ветки...

Вернулись мальчишки в сквер, а Снеговик без глаз стоит, ни единого зернышка не осталось.

— Укр-рали! Укр-рали! Глаза укр-рали, — обрадовалась Ворона.

Мальчишки на ее карканье внимания не обратили. Снова из семечек глаза Снеговика выложили, детское ведерко вместо шляпы пристроили. Снова стоит Снеговик — красуется.

Недолго мальчишки своей работой лбовались. Вновь принялись они в снежки играть. А Воробышка осмелел: выбрал подходящий момент, спорхнул с ветки, сел Снеговика на нос и ну зернышки склевывать. Только он приноровился, как вдруг..

— Дер-р-ржи вор-ра! Дер-р0-ржи! Кар-раул! Кар-раул! — раскричалась Ворона.

В тот же миг Воробышка на самую верхнюю ветку клена вспорхнул.

— Чив-чив-чиво кричишь! — сердито прочирикал он, а сам в комок сжался, нахохлился.

И было от чего. Один мальчишка слепил снежок, прицелился в Желторотика, размахнулся...

— Не смей, Стас! — крикнул ему второй мальчуган.

Открыл Воробышка левый глаз, открыл правый глаз, голову с боку на бок удивленно переложил — нет мальчишек, убежали.

— Чив-чив-чиво они затеяли?

Кха-кха! Известное дело, за рогатками побежали, — ответила Ворона. — Кошмар-р-р!

Каркнула она для порядку раз-другой и улетела от беды подальше, а Воробышка в беседке под крышей спрятался. Затаился в своем гнезде — не шелохнется, прислушивается. Вот снова мальчишки в сквере зашумели, возле Снеговика. Интересно, на этот раз глаза снова из семечек выложат? Тут бы не прозевать, когда они другим делом займутся. Чего доброго, другие воробьи все семечки склюют.

Вот стихли голоса. Вот чирикнул кто-то поблизости. Неужели опоздал?!

Вспорхнул Воробышка из-под крыши, огляделся... Так и есть, опоздал. Возле Снеговика и воробьи, и синицы так и вьются. Только глаза у Снеговика не из семечек, а из пуговиц. Зато в руке у него не метелка — большая кормушка, в которой чего только нет: и семечки, и зернышки, и хлебные крошки!

— Чив-чив, — только и чирикнул Желторотик.

Некогда разговаривать. А может, это он спасибо сказал, да я не понял?